

МОТИВ УТЕШАЮЩЕЙ ЛЖИ В ПЬЕСАХ «НА ДНЕ» М. ГОРЬКОГО И «СТАРШИЙ СЫН» А. ВАМПИЛОВА

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет

В русской драматургии XX в. было множество значительных произведений, она дала немало знаменитых имен. Однако, на мой взгляд, среди этих художников можно выделить двух таких, которые стали по-своему «знаковыми» фигурами для нашей драматургии. В первой половине XX в. это М. Горький, во второй же — А. Вампилов. Каждый из них выразил в лучших созданных им пьесах дух своей эпохи, актуальнейшие проблемы современности и в то же время затронул сложнейшие вопросы общечеловеческого, философского характера. Художественные системы этих двух авторов и их мировоззренческие позиции очень различны. Нет никаких оснований утверждать, что А. Вампилов в чем-то сознательно ориентировался на творчество М. Горького, однако в произведениях этих писателей есть определенные точки соприкосновения в художественном осмыслении серьезнейших философско-этических проблем. Одна из них — проблема утешающей лжи. Горький в пьесе «На дне» противопоставил не истину лжи и не сострадание жестокости, а именно истину состраданию, тем самым он фактически заявил, что истина жестока, а сострадание требует лжи. Сходная проблема решается в пьесе А. Вампилова «Старший сын». Оба писателя ставят вопрос о правде и лжи не в общефилософском, а именно в этическом плане — в этом глубинное сходство их позиций, которое позволяет утверждать наличие если не генетической, то типологической взаимосвязи их произведений. В обеих пьесах мотив утешающей лжи становится сюжетообразующим и в значительной степени определяет характер конфликта, построение и трансформацию системы образов. Это позволяет сделать вывод, что философская разработка проблемы истины и сострадания является определяющей для художественной структуры произведений М. Горького и А. Вампилова. Это вопрос аксиологического и этического характера, его решение говорит о мировоззренческой позиции человека. И то, что оба писателя поставили его в своих произведениях и даже сделали главным, говорит о том, что при всех различиях во взглядах двух художников в них есть и определенные точки соприкосновения.

1. Сюжетная роль мотива утешающей лжи в пьесах

«На дне» — сложное по жанру произведение, в котором совмещаются элементы социально-психологической и философской драмы. Причем общепризнано, что доминирующим здесь является именно философский конфликт, в основе которого — вопрос об истине и сострадании. Развертывание конфликта начинается с появлением Луки — носителя идеи утешительной лжи. В философский спор о правде и человеке включаются Лука, Бубнов, Сатин. Остальные герои по своей позиции в этом споре «примыкают» к одному из них. Главной пружиной сюжетного движения произведения является обоснование, развертывание и практическое «применение» философии Луки. Он задает вопрос о том, нужна ли человеку правда, и он же отвечает на этот вопрос своими рассуждениями и самими поступ-

ками по отношению к Анне, Насте, Актеру, Пеплу с Наташей. Первые три акта пьесы — это философия Луки «в действии», четвертый же акт — осмысление и обсуждение героями ее сути и результатов ее «внедрения в жизнь». Таким образом, мотив утешающей лжи лежит в основе стержневого конфликта пьесы «На дне».

В «Старшем сыне» этот мотив тоже становится сюжетообразующим. Завязка событийной линии произведения заключается в самом «моменте лжи». И сюжет разворачивается, и отношения персонажей развиваются определенным образом именно из-за «ложной посылки». Сначала это просто обман из корыстных побуждений, но затем он перерастает в **утешающую** ложь. Первым неправду говорит Сильва, который просто хочет получить пристанище на ночь. Но потом, когда его цель достигнута, он готов прекратить лгать, и тогда основным героем-«обманщиком» становится Бусыгин, за поступками которого стоят совершенно другие мотивы: он лжет не из желания извлечь какую-либо пользу из ситуации, а именно из **гуманных** побуждений, жалея человека и не желая лишить его радости и надежды. Его считают сыном и братом, ищут в нем опору в кризисный момент, он же не может обмануть доверие, поэтому включается в жизнь семьи Сарафановых — в этом заключается основной сюжетный стержень пьесы. Таким образом, в основе событийной линии пьесы «Старший сын» тоже оказывается мотив утешающей лжи. Однако его разработка у Вампилова иная, чем у Горького.

Лука в «На дне» — это герой-идеолог, он появляется на сцене с уже сформированным убеждением в том, что ложь необходима слабому человеку как опора в жизни. Его поведение по отношению к персонажам пьесы — результат его осознанной жизненной позиции, даже, можно сказать, программы спасения человека, которую он считает единственно верной. А в «Старшем сыне» ложь возникает на первый взгляд, наоборот, спонтанно, случайно. Бусыгин идет в дом Сарафановых, желая лишь согреться, найти временное пристанище, у него нет намерения выдавать себя за сына хозяина. Эта ложь вырастает из случайной цепочки фраз: Бусыгин напоминает Васеньке, что все люди — братья, а Сильва, ухватившись за слово «брат», выдумывает «старшего брата», сына Сарафанова. Бусыгин помимо своего желания все больше втягивается в эту историю.

Однако то, что в «На дне» ложь обдуманная, а в «Старшем сыне» спонтанная, лишь на первый взгляд кажется кардинальным отличием концепций произведений, на самом же деле в позициях Луки и Бусыгина есть важный общий момент. Лука мягко относится к людям, жалеет слабых, старается помочь им своей ложью, и все это он объясняет так: «Мяли много — оттого и мягок». Его жизненная позиция сформирована суровой действительностью, горьким опытом, который убедил его в том, что ложь необходима как утешение. В принципе, о Бусыгине можно сказать то же: жизнь научила его тому, что «у людей толстая шкура» и пробить ее можно только ложью. (Правда, Лука и Бусыгин преследуют разные цели: Лука хочет пробудить в человеке надежду, Бусыгин — пробудить сочувствие к себе, но можно сказать, что оба стремятся в определенном смысле «пробить» сознание ближнего.) В обеих пьесах есть мысль о том, что человек зачастую идет на анти-моральные действия, поскольку сталкивается с черствостью и равнодушием окружающих. В «На дне» Лука рассказывает о двух беглых каторжниках, которые тщетно пытались пробудить в людях сочувствие, прося всего лишь кусок хлеба, и в конце концов решились отнять этот хлеб силой. В начале пьесы «Старший сын» мы видим аналогичную ситуацию. Сильва и Бусыгин стучатся в несколько дверей,

говоря людям, что замерзают, но никто не пускает их в дом. Бусыгин делает резонный вывод: чтобы человек проявил гуманизм, его нужно «напугать или разжалобить». Катержники, с которыми столкнулся Лука, выбрали первый из этих вариантов — «напугать», а Бусыгин и Сильва — второй — «разжалобить».

2. Герой-«обманщик»

Лука в «На дне» использует утешающую ложь из принципиальных соображений: это вытекает из его понимания человеческой природы: чтобы выжить, человеку нужна вера, пусть даже в нечто не существующее реально. Разрушение такой иллюзии грозит гибельными последствиями — в этом убеждает читателя притча о праведной земле, рассказанная Лукой.

Как говорилось выше, в вампиловской пьесе Сильва обманывает из корыстных соображений, Бусыгин же — из жалости, и в этом он близок к Луке. Различие же их в том, что Бусыгин не возводит утешающую ложь в принцип, просто она кажется ему единственным выходом из той ситуации, в которую он попал, то есть изначально он не был носителем идеи утешающей лжи, а стал им вынужденно. Он не хочет обманывать Сарафанова, тяготится ложью и все время ищет возможность прекратить ее, однако для этого есть единственный способ — уехать, а это кажется ему жестоким по отношению к «отцу». Бусыгин постоянно испытывает душевный дискомфорт: «Не дай бог обманывать того, кто верит каждому твоему слову». Горьковский же герой чужд каких-либо сомнений, он лжет сознательно и не колеблясь, в тексте пьесы нет никаких указаний на то, что он страдает из-за этого. Наоборот, он уверен, что творит добро единственно возможным и доступным ему способом.

Общность героев в том, что оба лгут, так как не могут иначе. Почему? Ведь и в той, и в другой пьесе есть персонажи, подтверждающие своим поведением, что вполне можно обойтись и без лжи. У Горького это Сатин, Бубнов, Барон; у Вампилова — Кудимов, Сильва. Но у всех этих персонажей принципиально иная этическая позиция, чем у Луки, Бусыгина и Сарафановых. Сатин, например, говорит о людях: «Пусть разбивают себе башки». В устах Луки такие слова представить себе невозможно. Он, наоборот, готов сделать все, чтобы никто не разбивал себе «башки». Таково же различие между Кудимовым и Бусыгиным. Кудимову ничто не мешает назвать вещи своими именами, открыть «горькую правду». Нина говорит о нем: «Зачем ему врать?» Действительно, у Кудимова нет для этого никакого мотива. Он не боится ранить человека неосторожным словом, унижить его, нарушить его душевное равновесие. Правда, он и не хочет делать этого специально, он лишь случайно выдает сарафановскую тайну. Но в конце концов, когда он видит, чего добился, то не только не жалеет о своем поступке, но и упорно настаивает на том, что его позиция единственно верная и нравственная. Кудимов прямолинеен и «правилен», для него не существует сложных вопросов и неоднозначных ситуаций. По его мнению, лучше «горькая правда», чем обман, а в том, что создалась неприятная ситуация, виноват тот, кто лгал, а не тот, кто сказал правду. С формальной точки зрения он прав, так же как и Бубнов, который говорит: «По-моему, вали всю правду, как она есть». Сатин тоже не видит причин скрывать от Актера, что нет никакой надежды на выздоровление и новую жизнь. Так какие же все-таки причины побуждают лгать таких героев, как Лука, Бусыгин, Сарафановы? Как писал Ф. Ницше, «сострадание учит лгать... Добрые люди никогда не говорят правды»¹. Лука уверен, что в реальности человек не может найти ни надежды, ни

опоры, значит, нужно создать для него «вторую реальность», чтобы избавить его от страданий, возродить в нем веру в лучшее, активизировать его творческие силы. Вампиловские герои тоже лгут, чтобы не причинить страданий ближнему. Сарафанов скрывает от детей, что не работает больше в филармонии, потому что не хочет ранить их. Он считает, что им неприятно будет видеть отца неудачником. Интуитивно он наверняка чувствует, что никто не перестанет его любить и уважать, узнав правду. То есть он боится не за себя, не за свое положение, а именно за детей, за их душевное равновесие. Нина, Васенька и Бусыгин в свою очередь делают вид, что не знают правды, исключительно из сочувствия к нему: «Ну, если ему так нравится...» В ситуации с упрямым и нечутким Кудимовым и Сарафанов, и его дети до последнего пытаются защитить друг друга от правды, боясь, что «правда — обух», она может погубить. Точно так же горьковский Лука уверен, что «не всегда правдой душу вылечишь». И вампиловский Бусыгин убежден, что «правда факта» принесет лишь беду. Для Сильвы легко разрушить иллюзию Сарафанова — для Бусыгина это невозможно. Сильва способен просто уйти, оставив растерянного «папашу» на пороге, — Бусыгин не может даже представить себе такого: он чувствует моральную ответственность перед человеком, которому внушил надежду своей ложью. Он сохраняет и поддерживает иллюзию, пытаясь на правах старшего сына наладить жизнь семьи, помочь «отцу» обрести психологическую опору в жизни, «вылечить душу». Лука тоже активен: он вмешивается в любую ситуацию, которая кажется ему опасной для ближнего (утешает Анну, вспомнившую свои страдания; поддерживает Настю, пытающуюся отстоять свою мечту; мешает столкновению Пепла с Костылевым; внушает надежду Актеру, потерявшему веру в себя). Но в конце третьего действия Лука делает именно то, на что Бусыгин так и не решается: покидает людей, для которых стал опорой. Однако этот сюжетный ход искусственен: он совершенно не вытекает из предшествующего поведения Луки.

3. Герои-разрушители иллюзий

В пьесе «На дне» трагическая судьба Актера стала результатом действий и Луки, и Сатина. Первый, по словам ночлежников, «поманил... куда-то, а дороги не сказал». После исчезновения Луки Актер остался без поддержки. Окружающие могли либо удержать его от духовной гибели, либо подтолкнуть к ней, что и сделал Сатин.

Герой вампиловской пьесы, Сарафанов, сходен с Актером в том, что тоже является натурой поэтической, ранимой и восприимчивой. Он также испытывает душевный подъем и верит в себя, только когда его кто-то поддерживает. Без этого он чувствует себя ненужным и слабым, даже обреченным. И рядом с Сарафановым (как и с Актером) — люди, одни из которых лгут из гуманных побуждений, другие же разрушают эту ложь.

Сильва, который изначально был инициатором обмана, в конце концов разочлачает ложь. Из героя-«обманщика» он превращается в героя-разрушителя иллюзий. Как в том, так и в другом случае он действует из эгоистических побуждений: врет, чтобы получить пристанище, а правду говорит, чтобы сорвать на ком-то свою злость и в то же время отомстить Бусыгину. Макарская тоже сначала пытается обмануть Васеньку из жалости (больше не к нему самому, а к его отцу), а потом беспощадно говорит «горькую правду», потому что ни влюбленный мальчик, ни старший Сарафанов ей не дороги, их чувства для нее по-настоящему не важны.

В системе образов пьесы «На дне» нет аналогов таким персонажам. А вот Кудимов и Сатин в чем-то сходны. Их объединяет упорное желание «развезать туман», назвать вещи своими именами. Причем оба не задумываются над возможными последствиями подобного шага, над тем, как это отразится на человеке, которого ложь касается напрямую. Оба действуют по принципу «лучше уж горькая правда», и оба не чувствуют ни малейшей ответственности за то, что причинили страдания ближнему.

4. Диалектика правды и лжи

В обеих пьесах есть мысль о том, что иллюзия рано или поздно разрушается. Горький показывает, что это влечет за собой трагические последствия. Такова история человека, верившего в праведную землю, такова же и история Актера. Иллюзия спасает и поддерживает их лишь на короткое время. В «Старшем сыне» разоблачение лжи сопровождается остро драматическими, напряженными коллизиями, но заканчивается, в отличие от горьковской пьесы, вовсе не трагически. Почему? Потому, что, как оказывается, во лжи есть и правда. Бусыгин действительно «настоящий Сарафанов» («сына» и «отца» объединяют нерасчетливость и «несерьезность»; именно Бусыгин способен оценить творческие поиски Сарафанова, годами работающего над одной нотной страницей; «Все люди — братья» — так называет свой труд Сарафанов, а Бусыгин именно с этими словами появляется в его доме).

Именно поэтому отец не ощущает потери, когда выясняется правда. Если люди понимают, что между ними есть духовное родство, то для них родство формальное теряет свою значимость. Оказывается, что граница между ложью и правдой стирается, ложь переходит в правду, только не на формальном, а на более глубоком, духовном уровне.

Зыбкость, «прозрачность» границ между правдой и ложью выявляется и в пьесе «На дне». Что такое, например, бубновская «правда факта»? Этот герой видит только поверхностную, внешнюю сторону жизни людей и считает, что этим все исчерпывается. Например, у него не вызывает сомнений то, что Актер — спившийся неудачник, однако он не замечает, что в том же Актере есть духовность, желание выбраться из пропасти, даже сила воли. То, что видит в людях Бубнов, — это не правда в полном смысле слова, а лишь полуправда, а значит, наполовину ложь.

Сатин говорит: «Человек — вот правда!» А человек для него — это «...старик, Магомет, Наполеон — в одном», некая абстрактная идеальная фигура. Можно ли назвать идеал правдой? Только с определенной долей условности. Он существует, но не в объективной реальности, а в сознании субъекта.

Для Луки правда — это то, во что верит человек: «...во что веришь, то и есть». Такая «правда» тоже существует, но лишь потенциально, как и идеал Сатина.

Все три философские концепции нельзя однозначно назвать ни правдой, ни ложью. Например, слова Луки «во что веришь, то и есть» заключают в себе глубокую **психологическую** правду: то, во что верит человек, действительно **для него** существует. Поэтому так важно для личности поверить в собственные силы, в свои перспективы, увидеть лучшее в себе. Но Лука не смог донести до людей этой глубинной правды. Герои Горького поверили **не в себя**, а в существование лечебницы, идеальной любви, сибирского земного «рая» и т.д. То есть они оказались в плену совершенно конкретных иллюзий, а им нужно нечто совсем иное. Актеру,

например, как воздух необходима уверенность в собственных возможностях, а не в помощи врачей. Если бы человек, развеявший его иллюзию, в то же время помог ему осознать, что его спасение — в нем самом, то, возможно, не произошло бы трагедии. Люди не смогли понять, что им, может быть, не нужна именно та соломинка, которую дает им Лука и за которую они пытаются удержаться, а нужна просто психологическая опора. Точно так же Сарафанову нужен не старший сын как таковой, а лишь родной по духу человек. Герой Вампилова это понимает, и поэтому он спасен, а герои Горького не открыли для себя этой истины — отсюда и трагедия.

Таким образом, произведения Горького и Вампилова объединены темой правды и лжи. В обеих пьесах ставится вопрос о том, «что лучше — истина или сострадание»². В принципе, с формальной точки зрения, ложь антиморальна. Но и Горький, и Вампилов показали в своих произведениях, что на этот «безнравственный» поступок иногда толкает человека как раз важнейшее **нравственное** качество — любовь к ближнему, христианское сострадание.

Очень важная и интересная мысль на эту тему есть в романе Н. Нарокова «Могут!» Его герои рассуждают о том, почему среди десяти библейских заповедей нет правила «не лги». Действительно, в Библии есть слова «не лжесвидетельствуй»³, а это не то же самое, что запрет обманывать в принципе. Если ложь диктуется христианскими побуждениями, то можно ли считать ее грехом?

Пьесы «На дне» и «Старший сын» заставляют читателя задуматься над вопросом о том, какие же герои этих произведений более нравственны: обманывающие или говорящие правду. Если в «На дне» этот вопрос остается без ответа (точнее, судьба Актера, которого не спасли ни утешающая ложь, ни горькая правда, дает только отрицательные ответы), то в «Старшем сыне» автор явно на стороне тех героев, которые лгут или же скрывают правду.

Вопрос об истине и сострадании является одним из основных в пьесах М. Горького и А. Вампилова. Горький прямо противопоставляет эти понятия, Вампилов же не столь категоричен и пессимистичен. Его герой, Бусыгин, стремится примирить истину и сострадание. Он уверен, что нужно открыть Сарафанову правду, только не знает, как это сделать, чтобы не разрушить ту духовную связь, которая возникла между ними, не видит способа сделать так, чтобы истина не была жестокой. И все-таки он ищет выход, и в конце концов ему помогает в этом сам Сарафанов. Пьеса Вампилова проникнута оптимизмом, верой во взаимопонимание людей, которой в горьковском произведении нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Ницше Ф.** Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Избранные произведения. Т. 1. М., 1990. С. 150, 163.

² Так сформулировал Горький главную проблему своей пьесы в беседе с корреспондентом «Петербургской газеты». См.: **Неманов В.** Беседа на пароходе с М. Горьким // Петербургская газета, 1903, 15 июня.

³ «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего» // Вт. кн. Моисея: Исход. Гл. 20.